

Сергей Слюсаренко

Я, гражданин Украины

Сергей Сергеевич Слюсаренко **Я, гражданин Украины**

предоставлено автором
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=163522

Содержание

Вступление	4
Глава первая	8
Глава вторая	13
Глава третья	17
Глава четвертая	27
Глава пятая	34
Глава шестая	42
Глава седьмая	50
Конец ознакомительного фрагмента.	64

Сергей Слюсаренко

Я, гражданин Украины

Научно- фантастический роман

Вступление

Из слухового окна хорошо просматривался мавританский особняк на углу Левашовской и Чекистов. Рев грузовика, выдвигавшегося на перекресток, казался далеким. Он не мог заглушить даже звон падающих капель из водопроводной трубы, змеящейся по чердаку. Грузовик выглядел зловеще, и было ясно, что под тентом уместился взвод президентской гвардии. Госбезопасность и личная охрана работают неплохо. Они все-таки вычислили меня достаточно точно, хоть и не быстро. Вон и рокот их вертолета становится все четче – разошлись не на шутку. Сейчас я вижу и грузовик, и спецназ внутри него жирной красной точкой. Когда они рассыплются цепочкой вокруг дома и начнут прочесывать квартиру за квартирой, этаж за этажом, я буду видеть уже каждого отдельно. Мне важно – не сорваться раньше времени, выждать паузу. Пусть они втянутся поглубже в дом. Обязка готова,

очки-дисплей закреплены прочно. Что же, дюльфер со стены шестиэтажного дома – это даже романтично. Сколько раз, не веря в реальность этого, я прокручивал безумный прыжок с крыш во двор, из жизни в неизвестность. И готовил здесь, на чердаке, тревожный запас, до деталей продумывая отход. Начинаю для себя внутренний отсчет, увидев, что боевые орбитальные лазеры мигнули на дисплее зеленым. Готовы. Ситуация полностью под контролем мейнфрейма, датчики-энтродеры – готовы. Мельком на небо – замечаю в вышине два дрона. Они нерасторопны и вряд ли помогут мне, их задача – сбор данных. Боевая сфера тоже где-то рядом. Старая серая крыса, хозяйка чердака, осуждающе смотрит на меня из глубины. Все – три, два, пошел...

С воплем, потому что все равно страшно, вламываюсь в слуховое окно, выходящее во двор, и в три прыжка пролетаю всю высоту дома. Звон стекла, крик какой-то тетки во дворе. Началось. Теперь кубарем вдоль соседских машин, скрываясь за ними от заматавших гвардейцев. Первый, прицельный плевок лазера с орбиты. Боевая сфера отработала импульс четко – тойота-крузер бывшего футболиста, припаркованная во дворе, лопнула с неестественным хлопком, отвлекая на себя внимание агентов гвардии. Извини, сосед. Хоть ты и тренер поганый, но машина не виновата. Рывок изо всех сил, вглубь, под арки родных домов, еще глубже во дворы. Только слышно, как запоздалые автоматные очереди веером ударили по забору, отделяющему еще царских вре-

мен усадьбу. Шипящая молния размела давно заложенный кирпичами проход в следующие колодцы дворов. Этого командиры гвардии не ожидали – они и не думали, что отсюда можно вырваться. Но я живу здесь дольше вас! Пробежав на одном дыхании Губернаторский скверик с вечно не работающим фонтаном, замечаю, как истерично влетает в центральные ворота БТР, разворачивая в мою сторону пулемет... Две вспышки – оплавленный, обвисший переваренной макарониной ствол и горящий двигатель.

Правильно, программа не предусматривала ничьей смерти. Только активная защита, отсечение преследователей. Вперед, мимо кабминовского здания-монстра, мимо Мариинки, к заросшему кустами заветному спуску с кручи, о котором уже никто не помнит. Ох, давно я не бегал кроссы, и никогда – спасая жизнь. Вперед, хекая и уже прихрамывая, но все-таки рассеивая за собой фонтаны огня, парализующие сознание своей неожиданностью. Так, здесь спешить не надо... Осторожный спуск, и я на шоссе, где ждет меня заранее припаркованный ситроен. Теперь по газам! За десять минут я успею домчаться до Владимирской горки, там проще. Как бы не так, наверное, они уже вычислили мой отчаянный пробег. По рокоту – это не обычная стрекоза, что-то покрупнее. Запрос на опознание – тяжело... В небе две «Черные касатки» – злые гении российского вертолетостроения. Не думал, ох не думал, что такой гонкой закончится безумная идея. По шоссе – шестерка новейших мерсов, оснащенных

непревзойденными ярославскими моторами. Хорошо хоть, они не наперерез мне идут. Ну ладно – сами напросились. Уже входя в безумный поворот под Чертов мостик, поворот, на который способен только ситроен, я в зеркало вижу, что «Касатки», как кленовые семена, тихо опадают на землю, а мерсы дружно полыхают, притормозив на мгновение и навсегда завязнув на неожиданном вираже. Да, верность ситроену спасла в очередной раз. Они не ожидали, что поверну я, не сбрасывая скорости. Хватило малой мощности всего одного спутника. Хорошо все-таки делали лазеры при совке... А как все начиналось странно, совсем недавно...

Глава первая

Сегодня на торжественном собрании ученого совета директор представил нового куратора института от Министерства по науке и передовой технологии. Профессор Сонг, собственной персоной. Академик попросил заодно любить и жаловать. Тощий китаец с неупорядоченными зубами. В часовом докладе он долго и косноязычно рассказывал, какие перспективы сулит сотрудничество института с Пекинской академией, как Великий Кормчий П Кхао Дзун заботится о благе ученых всех стран. О том, как мы должны тяжело работать (тут он явно употребил кальку с английского, чувствовался опыт работы в Штатах), чтобы оправдать те инвестиции в науку, которые делает китайская компания «Дэйву» и прочая, прочая, бла-бла-бла... Правда, в конце, мельком упомянул, что теперь ввиду важности сотрудничества все контакты с учеными других стран могут осуществляться только с ведения куратора. Ясно, приехали. Я ещё прекрасно помню совковый Первый отдел и все, с ним связанное. Все возвращается на круги своя.

После заседания народ по привычке собрался на площадке между этажами, служившей заодно курилкой. Занудный болтун Забахо, тыча время от времени сигаретой в крашеную зеленой краской стену, рассуждал о том, как, может быть, будет хорошо:

– Я вот што помню, ну дыть, вот как незалежність стала, так и компьютер можно новый купить и на конференцию поехать. Ну дыть, ведь никто ж не поможет, и не скажет – какой компютер куплять. А вот китайцы, ну дыть, народ умный, так не только и денег дадут, так и помогут, ну дыть...

Надо сказать, что Забахо уже лет двадцать не мог определиться, какой компьютер покупать, – и при советской власти, и в ранние годы романтической перестройки, и даже тогда, когда никаких денег уже не было. Ни на что.

Пробежавший неизвестно откуда и неизвестно куда Москинд, член-корреспондент, сохранивший кличку «профессор», был распознан по гортанно-картавому выговору ещё за два этажа до курилки. Москинд был демократ и инсургент, иного ему не оставалось. При такой фамилии.

– Так, Миша! – начал он третировать моего приятеля Мишу Рублева в коридоре перед кабинетом, замок которого как обычно заклинило. – Ты как-то говорил, что у тебя есть знакомые в Шанхайском университете. Надо срочно написать и организовать сотрудничество напрямую. И пожалуйста, приготовь мне свежий материал к докладу.

Далее Москинд намекнул на то, что у него давние хорошие отношения с Сонгом и что тот точно сможет финансировать поездку Москинда в Шанхай.

В общем, в курилке, как всегда, шел знакомый разговор, новых тем не появлялось... Я удалился в свою каморку под лестницей.

– Профессор Сонг желает разговаривать с вами сегодня в 13.10, – прощепетала в трубку незнакомая девица, очевидно, секретарша.

– У меня обед в это время, – бесцеремонность нового негласного шефа меня раздражала.

– Профессор Сонг очень занят и готов пожертвовать своим свободным временем для беседы с вами, – секретарша явно притворялась душой.

– Ладно, скажите вашему профессору, что я буду.

Китаец занял директорский кабинет, отправив академика в его лабораторию, чтобы не мешал. При моем появлении он приветливо выбежал навстречу, стал трясти руку, приговаривая при этом вежливую бессмыслицу. Усадил меня в мягкое кресло возле журнального столика, и сам устроился напротив, излучая приветливость.

– Мы изучили ваши предыдущие работы, и смею вас заверить – они очень перспективны для развития сотрудничества Украины и Китая, – торжественно произнес Сонг. И при этом, не стесняясь, пукнул. «Ясно, – подумал я, – китайская церемония демонстрации превосходства положения».

– Для дальнейшего финансирования ваших работ нам необходимо получить подробное описание сделанного, но не в сжатом виде, как было в статьях. Пожалуйста, к завтрашнему утру представьте полный отчет по активной системе сложения лазерных мощностей.

– Я не совсем понимаю необходимость такого отчета. Тематика работ финансировалась из бюджета, результаты опубликованы, написан обычный годовой отчет. В связи с чем нужен новый отчет, да еще развернутый? – начал я сопротивляться такой наглости.

– Ваша работа была отмечена как перспективная в высоких кругах Китайской академии, и мы бы хотели подробно изучить ее, – Сонг начал объяснять мне спокойно и доходчиво, как умалишенному.

– Но ведь мы давно уже не при коммунистах живем, всякий труд должен быть оплачен. Все, что мне причиталось за проделанную работу, а именно зарплата, я уже получил, зачем же возвращаться к пройденному? – я решил изобразить из себя зануду. Но, очевидно, недооценил занудство китайского куратора.

– Если работа окажется настолько интересной, как показалось нам, то возможно финансирование по отдельной статье бюджета, – с патетическими нотками в голосе провозгласил Сонг.

– Я не могу гарантировать такой быстроты, но постараюсь заняться этим, – вежливая улыбка. Конечно, сейчас, разгонюсь и буду ему писать отчеты... Китаец не учитывает той школы, которую прошел я и мои коллеги. Годами работали за зарплату, недостаточную, чтобы просто заплатить за проезд на работу, а теперь даром отдай, за морковку, подвешенную перед носом.

– И, пожалуйста, напишите отчет на украинском языке, – добавил Сонг. – Я хочу, чтобы с моим появлением в институте, наконец был бы наведен порядок с государственным языком. В Украине надо говорить по-украински!

– Конечно, – парировал я, – а в Бельгии – по-бельгийски. Китаец сделал вид, что не понял моей фразы.

Имея в кармане пятилетний контракт с крупнейшим итальянским университетом, я, естественно, мог себе позволить вступать в дискуссии с новыми институтскими властями. Завтра вечером моя семья улетает в Анкону, где есть работа и где все здешние проблемы становятся далекими и незначительными. Я удеру туда на следующий день на машине, чтобы не беспокоиться там о покупке новой.

Глава вторая

Вечером на посошок зашел попрощаться Миша. С собой принес бутылку и пакет для пересылки из Италии в Штаты, с материалами якобы своей последней научной работы. Там было два документа НарКомВнуДел, подписанных Лаврентием Берией, и нагрудный знак времен гражданской войны «За отличную рубку» для срочной продажи на Ебее. Как всегда, разговора на больные темы Миша избегал, и вечер мы провели, просто пялясь в монитор компьютера с новым фильмом. Просмотр фильма Миша прерывал время от времени проверкой торгов на аукционе и жалобами на Москинда. В общем, обычный, спокойный вечер.

Вечная кутерьма Борисполя уже давно стала родной. Таможенники с прочувственными взглядами, строгие пограничники, вежливая обслуга аэропорта. Без особых проблем пропустив моих за таможенный барьер, офицер очень оживился, увидев на тележке клетку с собакой. Надо сказать, что пес всегда путешествовал с нами и объездил полмира.

– С собакой проблем нет, только у вас документы не международного образца! – с радостью сообщил таможенник, проверив пачку собачьих бумаг.

– Так что делать?

– Значит так! Вы должны поехать на центральную тамож-

ню во Львов и подать заявление на оформление международных документов. Для этого надо представить международный ветеринарный сертификат, родословную, сертификаты о победе на международных выставках, заключение министерства культуры об особой чистоте породы и ещё декларацию от международной кинологической ассоциации о выбраковке собаки из национального реестра, как некачественной. Вам потом за полчаса в таможене сделают документы. Ну и мыто заплатите.

– А сколько мыто?

– По курсу – пятьдесят юаней.

– А можно тут оформить? За те же деньги? Ведь есть же у вас и здесь таможня, да и самолет через час? – я прекрасно понимаю игру таможенника и с готовностью в неё включаюсь.

– Ой, я и не знаю, что можно для вас сделать, – сокрушенно покачал головой таможенник, – сейчас схожу, узнаю.

– Идемте со мной, – вернувшись через минуту, пригласил таможенник.

Я последовал за ним в сторону от его насеста и увидел, как он сжимает и разжимает свою ладонь. Рука была опущена вдоль тела, как по стойке смирно. Для интереса я вставил в руку означенную купюру, рука перестала сжиматься. Таможенник, притормаживая, обернулся и сказал:

– Я говорил с начальством – оно готово пойти вам навстречу. Идите прямо на регистрацию.

– А можно в таком случае пройти с семьей – я не лечу, но хотелось бы помочь?

– Конечно, какие вопросы.

Попытка пройти таможенный барьер была пресечена повторно. За бюро сидел новый тип. Он проверил все документы и поставил печать на декларации. Я, уже принимая от него документы, проговорил:

– А нас только что ваш коллега уже проверил, сказал, что все нормально...

– Какой коллега? Я только заступил на вахту, до этого вообще никого не пропускали.

Ясно, снова на кидалу попал...

После регистрации багажа, заплатив ещё два раза таким же образом – сначала налог на провоз собаки (шустрая тетка, не открывая рта прощebetала – «сто с квитанцией, пятьдесят – без») и десятку грузчику за то, чтобы клетка не перевернулась по пути до самолета, наконец оставил семью у эскалатора, увозящего пассажиров во чрево аэропорта – на паспортный контроль. Потом пришлось вернуться и долго ловить по залу Машку, устроившую прятки с детьми, летящими в Тель-Авив, а потом успокаивать ее и говорить, что скоро приеду, и потом – всё. До скорого! Завтра утром решу оставшиеся формальности в институте – и вперед – пробег по Европе.

Слушая в пол-уха новости по пути из Борисполя домой, уловил тревожные нотки в сообщении:

– Турция представила на рассмотрение Совета Безопасности проект резолюции о возвращении Севастополя в соответствии с Парижским договором 1858 года, заключенным в связи с окончанием русско-турецкой войны.

Да, помню, помню... Севастополь, согласно этому договору, или российский, или турецкий, третьего не дано. Как всегда – треп журналистов. Кому он нужен – город былой славы флота? Да и флота того уже давно никто не видел. Тем же китайцам на металлолом...

Глава третья

Утром в институте я был встречен на проходной словами охранника:

– Вас ожидают в приемной прохвесор Свонг.

– Наверное, Сонг?

– А бис його знает, чи оно Свонг, чи Сонг... – явно охранник не был доволен новым начальством, – понапрыйизжалы тут... Вот собаки им заважали...

Охранник тяжело вздохнул и пошел разгонять от въезда собак. Институтские собаки были гордостью охраны. Много лет назад сучка Найда стала родоначальницей и своры и новой традиции института. Теперь насчитывалось штук шестнадцать псов, добрых и верных. Они свободно и праздно болтались по корпусу, никогда не входя в лаборатории и кабинеты, благо в коридорах места хватало. Незлобивый личный состав института всегда приносил псам поесть и строго следил, чтобы их никто не обижал.

В приемной новая секретарша, черноволосая и узкоглазая, которую раньше никто не видел, сообщила, что я могу оставить отчет, якобы обещанный к сегодняшнему утру, у нее на столе и что профессор Сонг занят. Естественно, я вежливо объяснил ей, что никакого отчета не обещал, не принес и принесу нескоро, что, мол, уезжаю и прошу оформить командировку. Та без возражений дала мне бланк и потом, уже

заполненный, положила в папку с золотым тиснением «НА ПОДПИС». Мягкий знак был вымаран шариковой ручкой для придания надписи не русского вида.

Сюрприз ждал меня на проходной, когда в обед я пошел выпить традиционный кофе в молочке. Двое молодчиков в униформе с лотосом на рукавах остановили меня и потребовали пропуск.

– На каком основании?

– С сегодняшнего дня Академия наук не имеет возможности оплачивать вашу работу.

Можно подумать, что она мне когда-нибудь действительно платила. Ну, на бензин, в принципе, хватало.

На мой звонок в приемную ответила все та же лунолика:

– Мне очень жаль, но профессор Сонг просил сообщить вам, что в данный момент он не доступен. Он занят составлением рекомендательного письма вам, с наивысшими оценками.

– Извините, – обратился я к ней опять, – вы лично увидите с профессором Сонгом?

– Конечно, каждое утро и вечер мы все получаем личные инструкции!

– Так вот, будьте так добры, передайте профессору Сонгу, чтобы он, по окончании работы над рекомендательным письмом, – меня уже вдохновенно несло, – засунул его себе в зад!

Никакого пропуска я никому, естественно, не отдал, но

войти в институт после кофе мне не удалось...

Подъезжая к дому, я почувствовал, что сюрпризы на сегодня не закончились. У подъезда – полицейский автомобиль «Дэйву», распахнутая дверь квартиры...

Я такое видел только в кино. Обыск. На лестничной площадке стояли несколько человек в знакомой униформе с лотосами, толстая тетка, наверное, понятая, алкаш из соседнего двора с котом на плече (верный признак запоя), тоже понятой и бухгалтерша из ЖЭКа, надменно и победно взирающая на меня. Формально – поиск служебной документации, не возвращенной в институт после увольнения. Погром, конфискованный загранпаспорт и полное непонимание, что делать дальше?

В вечерних новостях сообщили, что Совет Безопасности не принял резолюцию о возвращении Севастополя, однако претензии Турции счел законными и требующими немедленного разрешения.

Они следят за мной постоянно, то там, то здесь взгляд выхватывает внимательное узкоглазое лицо. Топтун немедленно отводит глаза в уверенности, что я не замечу слежку. Они совершенно уверены, что белый человек не может различить лица китайцев и поэтому не удосуживаются послать побольше хвостов. Неужели они и в самом деле думают, что я обладаю стратегическими данными? Да наплевать мне на них – пусть ходят.

На Майдане стояла толпа, что-то нечленораздельно скан-

дируя. Судя по лозунгам «Руки прочь от города украинской морской славы» и «Ганьба туркам!», это была демонстрация против претензий Стамбула. Несмотря на то, что внешне в мире все оставалось спокойно и Турция никак не реагировала ни на постановление Совбеза ООН, ни на ноты Украины, в воздухе витала напряженность. Впрочем, мои собственные проблемы делали эти политические телодвижения чем-то далеким и малозначительным...

Китайские дружинники уже дважды наведывались ко мне домой поздними вечерами. С целью проведения беседы о важности дружбы между народами... Оба раза разговор о дружбе как-то не складывался, последний раз даже пришлось мое отношение к этому вопросу подкрепить старой клюшкой для гольфа, привезенной как сувенир много лет назад из Пенсильвании.

Потом пришел Миша. Он не стал беречь мои раны и сразу предложил выпить. Потом мы долго разбавляли казенный спирт (даже теперь Миша свято хранил традиции) грейпфрутовой газировкой, решив совершенно игнорировать виски «Tullamore dew», оставшийся от моей предыдущей поездки в Саутгемптон. Воспоминания о былых временах подвигли меня приготовить шашлык на гриле, установленном на балконе. Сосед Жирко стал, как обычно, возражать против дыма, но посланный подальше, захлопнул форточку. Когда угли в гриле дошли до нужной кондиции, а

спирт значительно поубавился, выяснилось, что я не купил мясо. Останавливаясь на достигнутом мы не решились и энергично устремились на Бессарабку. В подъезде опять напоролись на Жирко, стали приглашать его на мясо и он уже было согласился, но Миша вдруг затронул болезную тему – что было бы без Горбачева, и, не найдя общего языка с Жирко, похоже, расстроил его планы нанести нам визит. Потом мы шумно и весело шли по Круглоуниверситетской к рынку, обсуждая ситуацию в институте после моего увольнения. Как выяснилось, сам факт не вызвал никаких комментариев, однако народ стал понемногу осознавать статус-кво и беспокоиться о собственном будущем. Дебатируя в коридорах, в основном принимали позицию Сергея Робченко, героя Первого съезда советов и подавления ГКЧП, который считал, что в науке важно работать, а кто платит деньги – не важно. И что настоящий ученый будет работать и без денег.

– Но он сам же никогда не отказывался от своей, и не малой, зарплаты? – съязвил я.

– Ну, ты понимаешь, – с глубокой иронией возразил Миша, – великие ученые часто нуждаются в деньгах, им надо расходы покрывать, и они много думают всегда...

На рынке мы, отбившись от продавцов икры, долго выбирали мясо, приведя в исступление мясников требованиями курдючного барана и пытаясь доказать, что у свиньи неразвоенное копыто. Выяснив истину, согласились с симпатичным продавцом, что у свиньи, как и у лошади, по три паль-

ца. Потом Миша громко требовал оборудовать рыбную лавку багром и спасательным кругом вместо того, чтобы помочь мне поймать из аквариума осетра, и под шумок украл рака. На выходе с базара рак прямо из моего кармана укусил постового милиционера, за что и пришлось отдать животное тому в плен. В Мандарина-плазу нас не пустили, сославшись на мою мокрую одежду. Однако, поверив в то, что Миша действительно тот самый Рублев, согласились принести еду по списку. Список был краткий – красные бобы, красный перец, красный чай и красный флаг. Где Миша взял этот список, я не знал, но принесли все, кроме чая. Платил я мокрыми купюрами, отложенными на проезд в Италию, решив, что эти деньги совсем пропащие. Потом пройдясь с флагом, накинутым на меня вместо потерянной мокрой майки, мы что-то объясняли ОМОНу в скверике, возле дома. ОМОН на шашлыки к нам не пошел, однако был вежлив и вник в положение. Потом я решил похвастаться своим топтуном и посадил Мишу в засаду под елку. Миша, вместо того, чтобы просто понаблюдать, как хвост стелется за мной, выскочил при его приближении и громко заорал «ГАВ!!» Потом мы долго кидали в след ретировавшейся слежке молодыми еловыми шишками.

– Так что, ни одна, как бы сказать, личность и не вспомнила о том, что меня уволили? – не унимался я, уже дома, у непогасшего гриля.

– Ну, ты знаешь, вспомнили конечно, когда на профсо-

юзном собрании утверждали приказ Сонга. Ну, кто-то, не помню, что-то говорил про КЗОТ, но утвердили приказ задним числом. Народ у нас, сам понимаешь, интеллигентный, и знает, сегодня ты, завтра они. Так зачем это завтра приближать?

– А что же там осередок общества Тараса Шевченко в институте? Они-то брызжут слюной против всякого без оседеца и шаровар, они-то что? Тоже китайский учат? – я не унимался, уже совсем теряя связность речи.

– Ну, ты понимаешь... У них у всех тоже есть начальники, и когда речь заходит о призыве к реальной очистке от инородцев, тут сомнения возникают. Ведь они, понимая, что очистка может и не остановиться на достигнутом, боятся конкретных действий.

Были правдоискатели от профсоюза, требовавшие организовать пикеты у здания кабинета. С целью повышения бюджетного финансирования. Однако, в пикеты никто не пришел. Ещё Миша рассказал, что все уже дружно кропали и приносили куратору толстые отчеты, дарили конфеты узкоглазой секретарше и поддерживали предложенное куратором нововведение – китайские обеды на рабочем месте. Из павильона бывшей столовой, ныне занятой какими-то коммерсантами, в срочном порядке сделали китайский ресторанчик. Шустрые кули стали разносить пакеты с обедами по лабораториям. Коммерсантов из павильона никто больше не видел. На общем собрании института после долгой дис-

куссии, но единодушно приняли решение считать рабочими днями все ныне существующие праздники. За исключением Рождества и китайского Нового Года. Лаборатории стали пополняться молодыми аспирантами – выпускниками пекинского и шанхайского университетов. Оказалось, они побратимы с киевским универом, и давно существует программа обмена кадрами. Аспиранты были очень работающие и дисциплинированные. Правда, чтобы дать задание, необходимо было написать подробную инструкцию – последовательность нажатия кнопок на приборах и заранее составить пустые таблицы, объяснив, что куда вписывать. Что же касается работ, связанных с приготовлением образцов, постановкой задач и анализом результатов – тут пока приходилось все делать самим, да и китайцы особенно не противились. В результате отчеты пополнялись тысячами и тысячами графиков и таблиц, как правило, бессмысленных, но делавших работы внешне очень солидными.

– Ну конечно, вот так, от магического сочетания «так надо», все движутся в ад... Вот так, потому что надо, еврей пришивал в тридцатые годы на пиджак звезду Давида, вот так все записывались в колхоз, как бараны шли выполнять интернациональный долг в Афганистан, – не унимался я.

– А ещё так русская баба в Киеве говорит со своим ребенком по-украински, не зная языка – так надо! Кто-то сказал – надо, а мы выполним, может нам и талон на повидло дадут... Вот бы взять за гопу того, кому это действительно надо... –

Миша отчасти поддержал меня...

Болтая с Мишей, я краем уже нетвердого уха уловил слова диктора из программы «Время», подпольно принимаемой у меня через Интернет:

– Его Императорское Величество Изя-Слав I подписал указ о направлении ноты протеста правительству Турецкой Джамахирии по поводу блокады Севастополя военно-морскими силами Джамахирии.

– Да, там вроде все серьезно, – задумчиво произнес Миша, – добром не кончится...

– А мне кажется, – ехидно усмехнулся я, – все это очередная дурилка с целью устроить отток от крымских курортов российских отдыхающих. Ведь сезон на носу, а после прошлогодней чеченской резни в сочинской гостинице «Кавказ», мало кто рвется на российские курорты. Да заодно и турецкие заблокируют...

– Может и так, – согласился Миша, – ведь Россия сама предложила такую конфигурацию резолюции. Но вообще, было бы смешно, если бы кампания, спровоцированная каким-либо турагентством, переросла в вооруженный конфликт.

– Да какой вооруженный конфликт? – удивился я. – Кто и чем стрелять будет? Флот давно пропили, ракеты не запускали сколько лет, боясь опять сбить что-нибудь не то. А Турция – страна НАТО, хоть и бывшая, но все-таки ещё месяц

назад участвовала в совместных учениях.

– Ладно, не в первый раз, – успокоил Миша. – Пошумят, поскандалят, потом помирятся, если Украина задобрит российские турагентства. Все будет как всегда – тихо и скучно. Только нам опять в Крым не съездить – не по карману... Лучше уж в Италию...

Миша, сам того не желая, наступил на больную мозоль. Не видать мне скоро Италии, да и с семьей только по аське и общаюсь. Но пусть они там посидят, пока у меня устаканится... Кстати, ну её аську – надо мессенджер установить.

Глава четвертая

В пять часов утра меня разбудил российский гимн. «Боже, царя храни» играли громко и вдумчиво. Задумчивость, после вчерашнего спирта с газировкой, сильно задевала за потаенные струны души, и только отсутствие под рукой утюга спасло комп от разрушения... Я не вырубил его, как обычно, с вечера. На мониторе российская служба телевидения онлайн. Вставать было лень, и я просто закрыл голову подушкой. Да и гимн в ближайшие часы не ожидался. Сон вернулся быстро, но не просто, а с живописной картиной.

Я, первый в мире космонавт, возвращаюсь из полета. Гордо иду по ковровой дорожке. У самых ступенек, когда уже можно разглядеть каждый волос в причёске Хрущева, я спотыкаюсь и падаю. Прямо на ступеньки. И, запутавшись в развязанных шнурках, не могу подняться, а оркестр уже начинает играть позывные – «Широка страна моя родная». Левитан, почему-то стоящий на трибуне вместо Брежнева, начинает зачитывать текст:

– Внимание, внимание, работают радиостанции Постсоветского Союза и Центральное телевидение!

– Какое, к черту постсоветское? – Эта фраза начисто вышибает сон. Однако голос Левитана, синтезированный, давно используемый имперской пропагандой для важных объявлений, продолжает вещать из компьютера:

– Через пять минут будет передано важное сообщение! Просим оставаться у ваших репродукторов.

Да, а репродуктора-то у меня и нет. Вернее, есть на кухне, но по нему последние десять лет непрерывно транслируют заседания Рады. Действо это, напоминающее митинг в дурдоме, вредно для здоровья.

Наверное, решили «Буран» отстроить, или ещё что запускают. Только зачем же по утрам орать?

Через положенное время знаменитые позывные повторились троекратно и левитановский голос провещал:

– Внимание, внимание! Вы слушаете заявление Его, выбранного всенародным голосованием, Императорского Величества, володаря земель белорусских, молдавских, ярославских, петербургских и туркменских, протектора ближнего и дальнего Закавказья, президента Афганистана и Персии, кандидата советских технических наук, почетного академика Сорбонны, заслуженного мастера спорта, профессора Изя-Слава Вольдемара Володьевича Первого!

Объявление было сказано с надрывом, вызывающим, как обычно, всенародную любовь. Да, царя любили. Бандитов он погонял, войну в Чечне почти погасил и честно обещал не избираться на третий срок. Впрочем, последнее неочевидно.

После очередных троекратных позывных в динамике слышался знакомый голос.

– Дорогие соотечественники и соотечественницы, россияне, товарищи! Смертельная опасность нависла над нашей

страной! – (Не ни фиги себе! У них что – Чернобыль? Срочно открываю новый фрейм и иду на знакомый сайт новостей – грузится очень медленно – не я один такой умный.) – Сегодня ночью, вероломно, без объявления войны, авиадесантные войска Турецкой Джамахирии, при поддержке авиации и флота вторглись с неба, с моря и из-под земли на территорию нашей братской соседки – Украины, и захватили славу русского флота, город-герой Севастополь. Украинские войска, сохраняющие нейтралитет, не оказали сопротивления и оставили город Севастополь. Учитывая факт стратегических интересов России в этом регионе, обязательства, данные сестринскому народу, и как Главнокомандующий войсками Российской империи и начальник штаба Постсоветского Союза Демократических Республик, я уполномочен заявить следующее:

– Россия считает неприемлемым разрешение каких-либо территориальных или политических конфликтов военным путем.

– Мы осуждаем действия Турецкой Джамахирии как несоответствующие международному праву и грубо попирающие суверенитет Украины, нашей стратегической партнерши и братской державы.

– Мы требуем немедленного вывода турецких войск и

немедленной организации трехсторонних переговоров с целью разрешения конфликта.

– Мы требуем немедленного созыва Совета Безопасности ООН.

– Мы, как полноправный член НАТО, призываем всех членов этой миротворческой организации осудить действия Джамахирии, как несоответствующие международному праву.

Да храни Бог Россию и Украину! Агрессор будет усмирен! Победа будет за нами! Ура, господа!

Потом опять играли «Боже, царя храни», и «Союз нерушимый», и всякое подобное. До серверов новостей я прорваться так и не смог.

Да, закрутилось. Кто бы мог подумать? Вернее, я подумал, это все происки турагентств, а вот поди, как обернулось.

Потопав на кухню, долго рылся в шкафчике – искал старый репродуктор. Интересно, что говорят эти в Раде. Подключив, долго дергал провод, пока динамик не перестал хрипеть и монотонный голос не забубнил:

– Депутаты Верховной Рады Евгэн Мигалко, Владимир Задрыпо, Михаил Полян и Яремо Терешук предлагают парламенту одобрить льготный импорт 2 млн. тонн продовольственной пшеницы и пшенично-ржаной смеси до 31 декабря

20... года по нулевой пошлине вместо действующей в размере 40 – 80 Евро/тонна. Об этом говорится в проекте закона «О порядке ввоза в Украину продовольственного зерна в 20... году», зарегистрированном в парламенте и представленном сегодня на рассмотрение. В сопровождающих документах указано, что депутаты предлагают новый законопроект, взамен поданного ранее (предусматривал импорт 2,5 млн. тонн продовольственного зерна). – Затем некто, наверное, спикер сказал:

– Какие ещё будут предложения по сегодняшней программе работы? Депутат Кострубенко, не подсказывайте вы там! Вы шо, не знаете процедуры составления порядкодэнного сессии? Ну и шо, што турки? Мы ж не в Турции! Та шо, шо там кошмар?! Повторю – никакого кошмара нет! Если так надо – заслушаем министра иностранных дел! Шо? Ну ладно, унутришних! Маршал Заколенко – доповідить будь ласка...

Послышалась возня и ропот зала. Кто-то покашлял, постучал по микрофону и тихо произнес:

– Шо – этот? Слышно меня? не? Уважаемые депутаты! Как шо по известным мне данным, сегодня ночью, группа лиц, то ли турецкой национальности, то ли переодетая у турки, с боку побережья проникла у город Севастополь. Как передали мне, в городе сохраняется порядок и те, хто проник, просто соби ходють по городу и никого не чипають. А шо там та Россия говорит, так то ж мы знаем, шо они не проверен-

ными данными пользуются. Шо? Так какие меры прыймать? Мы контролируем ситуацию... Шо? Так ничего ж не було!

Ясно, как всегда врут и не краснеют... Потом скажут, что все-таки не группа, а дивизия, и не с моря, а с неба и т. д. Сколько раз уже раскручивался подобный сценарий – сначала ничего нет, потом начинают врать, придумывая оправдания, потом врать выпутываясь и прочая, прочая... Вообще последнее время, полностью заткнутые китайскими взятками, парламентарии мало кого интересовали, но вот в таком экстренном случае могли бы и пошевелиться...

Мои вслушивания в динамик прервал нарастающий гул – что-то очень крупное ползло по небу. С балкона удалось увидеть. Это был хорошо знакомый по многим фото красавец «Илья Муромец». Гордость украинско-российского авиастроения. Военный грузовик, перевозивший в один заход до трех тысяч человек и десятков танков. Рев его двигателей привел в иступление сигнализацию всех машин в округе. Самолет был окрашен в камуфляжные цвета, но триколор легко рассматривался на гигантском хвосте. Эко! Никогда не видел в киевском небе российских вояк. Видать ученья задумали – турок шугануть хотят.

Громкий бесцеремонный стук в дверь прервал размышлизмы.

– Кто там?

– Откройте – телеграмма! – в дверной глазок я рассмотрел знакомого почтальона.

После долгого кляцанья запертыми на ночь замками, я, наконец, распахнул дверь. Оттолкнув растерянного почтальона, в комнату, сразу повалив меня, ворвалась толпа лотосников. На заломленных руках защелкнулись наручники, глаза и рот залепил скотч. Потом был холодящий укол в руку, и все поплыло...

Глава пятая

Включенная лампочка на потолке камеры вырвала меня из светлого сна...

– Встать! Руки на голова. Вперед шагая!

Команды были не совсем традиционные. Не те, к которым нас приучили кино и литература. Опять ночной допрос. Офицер с синим четырехлистным цветочком на рукаве казался усталым и сонным. Его круглое, почти детское лицо выражало крайнюю степень безразличия. Жесткие черные волосы ежиком, узкие глаза. Это тот, что был вчера, или уже новый? Не сообразить. Да и какая разница? Ни их вопросы, ни мои ответы не имеют никакого значения... Тем более, я не отвечаю... Хрен я отдам вам нашу с Мишей неколлинеарную вторую гармонику – путь к созданию неограниченного по мощности лазера. Ведь отдам – сразу придушат. Все отрицаю, и постепенно сам себя убеждаю, что не знаю ничего.

Сегодняшний следователь отличался безупречным русским. Его манера разговора более подходила для салона любителей изящной словесности. Это был тот рафинированный русский, на котором говорят некоренные россияне. Голос был низкий, с глубокими обертонами.

– Итак, вы утверждаете, что во время работы в Институте физики не имели контактов с иностранными организациями? С целью передачи служебной информации? – спокой-

ным голосом начал очередной допрос новый китаец.

– Я не вижу необходимости отвечать вам на какие-либо вопросы. Езжайте в свой Китай и там старайтесь! На каком основании вы держите меня здесь и задаете свои дурацкие вопросы? – не переставал я держаться своей главной линии...

– Успокойтесь, пожалуйста, это вопрос, который первым стоит в протоколе допроса, – я обязан повторить его... И не надо отправлять меня в Китай – я гражданин Казакстана...

– Вы совершенно зря горячитесь, – сочувственно склонив голову, продолжал следователь. – Я только выполняю свои обязанности, и от моей добросовестности зависит не только моя карьера, но и то, как быстро вы сможете встретиться с вашей семьёй. Давайте выпьем чаю. Кстати, меня зовут Ксеон.

– Странное имя для казаха, почти повелитель джунглей, – я не мог оставить ироничный тон.

– Нет, что вы, что вы. Это мое настоящее имя, адаптированное для англоязычных стран. Я хоть и казах, но китаец. Мое настоящее имя Кхсяо Джун, и я не настаиваю на его употреблении. Для вас так трудно произносить наши имена. Но что поделаешь, молодо – зелено. Давайте выпьем чаю, – повторил он. – Вы, наверное, никогда не пробовали настоящий китайский чай?

Не дожидаясь моего ответа, он достал из кармана маленький колокольчик и позвонил. Вошедшему охраннику была

отдана краткая команда. Через несколько минут девушка в красном балахоне вкатила небольшой столик, заставленный всякими чайными причиндалами.

– Присаживайтесь поближе, – предложил Ксеон, – сегодня у нас редкий случай. Мне друзья привезли улунский чай. Вы, наверное, и не слыхали о таком. Это действительно хороший чай.

Он засыпал в глиняный чайник листья и поджег спиртовку под сосудом с водой.

– Вы удивитесь. Но в Киеве практически невозможно найти воды для чая, – начал рассуждать китаец. – Я вот специально посылаю человека на Десну, когда хочу выпить настоящего чаю. Вы совсем не умеете приготавливать чай, зачем-то используете воду из источников.

– Мы – это кто? – удивился я.

– Вы – белые, – менторским тоном произнес Ксеон, – белые люди совершенно не умеют использовать великую культуру нашего народа. Китайцы – величайшая раса и все, что есть, на деле создано нами!

Казалось, эта мысль захватила его настолько, что он даже стал больше ростом.

– Как же так – все? Насколько я знаю, последний век Китай только и делал, что выпускал продукцию по лицензии Штатов. И для Штатов.

– Вы слишком упрощаете ситуацию. Все придумали у нас, а белые – только похитили и обратили в свою пользу. Вы по-

работали мой великий народ столетиями! Кто придумал порох? Кто придумал компас? Макароны и многое другое? Ваши марки полы и ему подобные украли это у нас еще в средние века! Мы только хотим восстановить справедливость! И восстановим – навеки!

Он забыл даже о своей чайной церемонии и перекипятил воду. Пришлось наливать заново и ждать. Когда вода почти закипела, китаец ловко вылил ее в чайничек, показав мне, как почти сразу листья начали разворачиваться и источать приятный запах...

– Чайную церемонию у нас украли японцы! Но в чае они не смыслят ничего. Им бы только покрасоваться! – китаец не мог успокоиться. Видимо, я затронул тему, мучившую его.

Несмотря на запал, Ксеон больше не терял контроль над чаем. Он перелил его из чайничка в фарфоровые цилиндрики и накрыл пиалами.

– Но вы ведь не хотите ничего принимать со стороны! Невозможно пользоваться плодами цивилизации, не ассимилируясь, – я решил поспорить. – Вы живете во всем мире в чайна-таунах, едите своих пекинских уток и даже не удосуживаетесь понять культуру стран, где вы живете!

– Нам не нужна ваша культура! Наша лучшая, и она великая! Зачем нам ассимилироваться – это и так наш мир! Как вы тупы! – потом сразу спокойным тоном. – Переливайте чай, нюхайте – он прекрасен...

– И мир постепенно понимает, как ценна наша культура,

наше наследие – ведь не зря даже на Украине стали ценить и приглашать наших специалистов на работу!

Да, помню-помню.

Сначала было постановление об освобождении ЗАЗа от налогов. Потом о передаче контрольного пакета акций фирме «Дэйву», владевшей до того сорока процентами. Потом, как достижение демократии, было объявлено, что военизированная охрана с целью борьбы с массовыми хищениями имеет право на безлицензионное использование оружия и создание групп охраны имущества по всей стране. А когда контрольным пакетом уже владела «Дэйву», было разрешено использовать на работе граждан неукраинской национальности... Потом «Дэйву» была продана канадской компании «ГЕО», которая полностью контролировалась первым замом председателя КПК (компартии Китая).

Реально это привело к созданию китайской полиции, не подчинявшейся украинским властям, а также к формированию отрядов китайских народных дружинников, якобы для наведения порядка среди соотечественников.

Потом все это стало потихоньку разрастаться как метастазы, да и сам организм уже давно был тяжело болен...

– Да, конечно, можно гордиться историей своей страны, но, по-моему, отождествлять себя полностью с теми, кто жил на вашей территории три тысячи лет назад, – это достаточно амбициозно, – не переставал сопротивляться я. – Где гаран-

тия, что ваши великие предки и вы – это одно и то же? Вот например, моя бабушка родилась в стране, гордящейся своими царями, культурой, своими победами над французами, турками, японцами. Я родился в стране уже с другой историей, в которой были гениальные вожди, было торжество идей над разумом, но были и первый космонавт, и Курская дуга. А теперь я живу в стране, у которой в истории только вырезанные собственными фашистами поляки, какие-то жалобы на угнетение и диалект вместо языка. Утвержденный волею 300 бывших коммунистов. При этом, заметьте, – я никуда не переезжал! А представьте вашу многотысячелетнюю историю. Что у вас, лично, общего с вашими предками?

И еще, про себя, я вспомнил, что кто-то ранее уже рассуждал о величии расы, о месте ариев...

– А что вы можете сказать о вашем коллеге Михаиле Рублеве? Вы ведь с ним дружите? – вдруг переменял тему следователь.

– Да, это мой старинный друг, а чем он вас заинтересовал?

– Мы получили ценную информацию о том, что результаты вашей с ним совместной работы в полном объеме хранятся в его архивах, на даче. Его задержали, но он пока полностью отказывается сотрудничать. Поэтому мы вернем вам сегодня свободу перемещения, кстати, и лэптоп свой заберите – там ничего нет. Да и стихи ваши – ничтожные потуги по сравнению с танами Хань Юи.

– Не смею сомневаться, куда нам. Только позвольте поин-

тересоваться – откуда у вас такие данные про архив Рублева? Хотя, конечно...

– Вы, белые, только кичитесь своими моральными ценностями и семейными традициями. А ваши женщины – они очень неустойчивы. Стоит ей предложить виллу в Китае – она и семью бросит, и о родине не вспомнит. В этом вы все – белые. Мы предоставили ей убежище в лагере для перемещенных лиц в Тибете.

После чая Ксеон предложил какой-то салат и стал ловко вылавливать его палочками.

– Угощайтесь. Вот чопстики, – предложил он мне.

– Вы знаете, предлагать мне чопстики – опасно. Я ими так плохо владею, что боюсь за здоровье окружающих. Я лучше по-простому, по-нашему, вилкой.

– Вот! Это типично для белых. Вы не можете пользоваться нормальными столовыми приборами, а рассуждаете о своей культуре!

– Я как-то, много лет назад, был в Самарканде, – тон китаец меня все больше раздражал. – Так вот, раньше из кино и книг я знал, что узбеки едят плов руками. А в действительности – ложками. На мой вопрос о традициях мне там ответили: «Знаишь, папробовалы ложкой – удобно, да!»

– Так вот – вы сами ложкой не пробовали? – съязвил я.

Китаец нервно отшвырнул в сторону палочки и, сопя, не попрощавшись, вышел. Вместо него вошли два молодчика и

огрели чем-то по затылку.

Глава шестая

Я пришел в себя на газоне Крещатика, на рассвете, судя по пустоте улиц. Дикая головная боль, сухость во рту. Поднявшись, я понял, что через плечо висит сумка с ноутбуком – не украли, гады. Что же, пора домой.

С трудом перебирая ногами, двинулся по Крещатику в сторону Майдана. Пустынный проспект был тих, лишь иногда случайные машины пролетали взад-вперед. Странно... Наверное, какие-то очередные «Дни России» – вдоль улицы на столбах были вывешены вместе украинские и российские флаги, поперек улицы плакаты – «Россия-Украина – сестры навек». Ладно, дело такое, как только нефти-газа не хватает – сразу дружимся...

Следующий сюрприз меня ждал на Майдане – на гостинице «Украина», бывшей гостинице «Москва», красовалась надпись – «МОСКВА». Галлюцинация? Что заставило вернуть гостинице, давно оккупированной депутатами под апартаменты, старое название, такое непатриотичное? Точно, как говорится, *щось велике у лісі здохло*.

Ноги сами принесли меня домой. В сумке ноутбука я нашел ключи и, повозившись немного с электронным замком подъезда, быстро поднялся к своей квартире. Странно, ключ не проворачивается. Ещё и ещё. Мои занятия прервал голос – сосед-депутат Мошко возвращался неизвестно откуда

и вроде подшофе.

– Во! Какими судьбами? Уже и не думал увидеть. А шо? Не пускают? Они как вселились после тебя, так никому не открывают. Соседа вот затопили, так мы и с милицией стучались, и я им показывал корочки в глазок – мне молчат, а себе галдят за дверью.

– Кто вселился?? – я определенно ничего не понимал.

– Ну, так китайцы! Как тебя увезли, сразу тут штук десять въехало, я даже через свои каналы узнавал, думал, раз тебе хата уже не нужна, может, мне отдадут – мне положено расширение как депутату, так сказали – ты добровольно передал в пользу китайской народной дружины. А ты шо, и вправду передал?

В ответ сосед услышал то, что и должен был услышать в этом случае. Даже депутатская неприкосновенность не защитила. Злобно ткнув ногой бронированную дверь, установленную несколько лет назад (в конторах бывшего института Патона умели делать), я медленно побрел вниз. Во дворе дома стоял мой ситроен, покрытый мусором и бессильно упавший на брюхо. А ключи – дома. Дома. Неужели это уже не мой дом?? Неужели кто-то может отнять у меня дом безнаказанно? Сволочи! И тут я увидел валявшиеся под балконом деревянные щепки. Это была разбитая при падении, раздавленная колесами машин модель старинного парусника...

Много лет, беззаботных и добрых, мы клеили её всей семьей. Сначала в Италии, когда старший был еще совсем ре-

бенком, потом, после возвращения, здесь. Собирая по разным странам экзотические палочки, точно соответствовавшие породам оригинала, сплетая нитки в имитацию старинного стакселя, кроя мою шелковую рубашку на паруса, рассказывая маленькой дочке, родившейся, когда гордый профиль корабля уже хорошо угадывался на стапеле, о маленьких морях, которые поплывут на корабле с красивым именем «Баунти» и откроют новые земли, как будут они менять у дикарей бусы на золото и бороться со злыми пиратами. Собрав обломки в какой-то валявшийся рядом старый полиэтиленовый пакет, я побрел, не понимая, куда и зачем, не видя ничего перед собой...

Очнулся я на скамейке Ватутинского парка. Было уже темно. Какой-то тип, в розовой женской синтетической шубе не по размеру, судя по запаху, бомж, молча тянул сумку ноутбука к себе.

– Тебе чего надо?

– Слышь, зёма, давай сумку, загоним, пузырь возьмем! Люська в гастрономе на Садовой – баба своя, она понимает, что к чему. А сумка, зачем тебе? Она кожаная, все равно до утра не удержишь...

– Слышь, мужик, отползи, у меня и без тебя голова болит, – вяло возразил я, пиная новоявленного земляка ногой.

– Так полечимся ж, полегчает! – тот явно не собирался сдаваться. Тем более отпустить мою сумку.

Пришлось пинок ноги сделать более чувствительным. Мужик, впрочем, не стал особо настаивать и позволил мне медленно удалиться с поля боя. Без потерь. Значит так, подведем итоги. Работы нет, паспорта нет, денег нет, квартиры нет, населена роботами... Хорошо, хоть здоров пока, и голова скоро пройдет, выспаться бы только. Вот, черт! Клялся себе не говорить, что здоров! Всегда после таких мыслей грипп подхватываю. Вот и теперь сразу горло начало саднить...

К вечеру, уже с полным гриппозным набором – температурой, заложенным носом, болью в глазах и невероятной слабостью, я смог добраться до розетки, чтобы включить свой лэптоп. Мужик, продающий сахарную вату на Крещатике, милостиво разрешил подключиться к его удлинителю. Пусть аккумулятор зарядится, а я заодно мыло проверю, хоть Мише сообщу.

Мейл был один – из министерства по науке с требованием представить в трехдневный срок пятисотстраничный отчет по программе сотрудничества с Германией, за которую я был ответственен. В мусор, тем более, что денег они так и не дали. Посмотрим новости, пока ватный человек не прогнал. Пока грузился любимый gbc.ru сайт, решил звякнуть Мише. Комп, показав, что лимит сотовой связи составляет шесть минут, быстро набрал знакомый номер. Через пару гудков высокий незнакомый голос ответил:

– Пазаласта!

– Можно Мишу к телефону, – без особой надежды попро-

сил я.

– Але!

– Это квартира Миши Рублева?

– Пазаласта!

– Извините, это номер 268 2876

– Акей!

– Мишу можно к телефону?

– Дасвиданя.

Короткие гудки подвели резюме этой бессмыслице. Да, не врал следователь. Яснее ясного... И что у нас в новостях?

ОГО!! Вот оно что! Не зря флаги трехцветные на Крещатике!!

На следующий день после вторжения турецких войск в Крым элитная десантная дивизия Российской империи (вот он зачем – «Илья Муромец»!) была высажена в аэропорту Севастополя. Стремительный бросок российских войск смел слабо эшелонированную оборону турков и сбросил их в море! В украинском парламенте Русский блок собрал под свои знамена традиционных противников и название «Москва» гостинице вернули на второй день турецкого конфликта. Но другие сайты сообщали более правдивые вещи. Именно на второй день конфликта российский десант в безумном и бесполезном броске, положив семьдесят тысяч элитных войск, захватил переданный туркам согласно документам о капитуляции 1858 года Севастополь. Тогда, на короткое время, в Раде возобладало пророссийское лобби и указом президен-

та на Украине было введено годичное трехязычие. Ввиду особой ситуации. Отныне, на год, без права продления, на Украине гос.языками становились украинский, русский и гагаузский языки. Как было написано в указе в скобках – в алфавитном порядке.

На углу Крещатика и Николаевской есть гастроном. На пристроенном втором этаже гастронома есть бар. Там наливают коньяк в заранее нагретые паром коньячные бокалы. Но не всем...

Безумный ливень, казавшийся ещё более страшным из-за того, что я смотрел на него с высоты днепровских круч, захватывал город. Стократным эхом отзываясь над величественным Днепром, над притихшей Лаврой, над заброшенным парком, стелившимся серпантинотом от Липок прямо к реке. Все это переломило последнюю соломинку, еще удерживающую меня в реальном мире. Я попытался спуститься по покрытому прошлогодними листьями склону, но, не удержавшись, заскользил вниз, к следующему витку полуразрушенной спирали тропинок. Посередине, когда и верхняя и нижние аллеи скрылись в листве, я вдруг застрял на какой-то кирпичной кочке. Это была кладовка, приютившаяся на склоне. Маленькая каморка – за кованой решеткой помещение в два-три квадратных метра, заполненное метлами, граблями и ржавыми железяками. Замок на решетке,

совсем гнилой, пал после первой попытки потрясти ее. Это было неожиданное спасение от дождя. В два счета выкинув почти все барахло, я забился в каморку и укрылся старыми вениками. Это помогало от озноба и защищало от брызг дождя, достававшего даже здесь. Странное место. Казалось, какой-то липкий страх отпугивал все живое вокруг. Даже паучков не видно на старых метлах. Вон какая-то птица, спикировав с облезлого дерева, судорожно отвернула от моей каморки. Чего они боятся? Я не кусаюсь. Я просто болею. Просто мне плохо. Неужели эта каморка – мое последнее пристанище? НЕТ, я буду бороться! Я ЧЕЛОВЕК! Я пройду эту стену! Я должен! Кто же, в конце концов, за меня это сделает?? Человек может все! В исступлении я ударил в заднюю стену каморки кулаком, даже не почувствовав разбитых косточек.

Серая монолитная стена беззвучно сдвинулась в сторону, открыв длинный коридор. Стены испускали мягкий свет, и было видно, что где-то вдалеке он становится ярче. Ничего не понимая, уже утратив способность удивляться, я побрел по коридору. Слышно было, как вскоре стена, отделявшая каморку с метлами, тихо вернулась на место, замуравав меня в этом странном подземелье. Коридор кончился, и я вошел в светлый зал. Все поплыло перед глазами и, уже падая, я почувствовал, что пол мягкий.

Очевидно, глубокий обморок, вызванный гриппом и все-

ми предшествующими событиями, перешел в сон, который длился неизвестно сколько.

Глава седьмая

Ослепительно белый снег не позволял четко разглядеть следы единорога. Единорог, учуяв человека, метнулся по снежнику и даже не побоялся ледника, улетаая все выше по белому склону. Он почему-то потерял пачку Казбека. Из неё бесшумно катились непрерывным потоком папиросы. Зачем? Вот есть – очень хочется. Отчаявшись догнать единорога, я ковыряю рюкзак, чтобы достать сгущенку и сделать эльбрусское мороженое – старую хитрость горных туристов. Надо размешать в кружке сгущенку и снег. Особые гурманы добавляют ещё варенье. Если оно есть. После изнурительно-го штурма перевала это очень восстанавливало силы. А для меня было основным поводом для последнего рывка. Легко открыв банку ногтями, я попытался набрать ложкой смесь, но почему-то мороженое, превратившись в рой белых мух, с жужжанием улетело с ложки. Опять и опять, я голоден, мне холодно, ослепительный свет, отраженный снегом, мешает мне смотреть вокруг. Я снова пытаюсь попробовать мороженое, но ничего, кроме легкого гула мух и светлого холода, не ощущаю. Собрав все силы, я вырываюсь из этого замкнутого круга и, уже наяву, бьюсь головой обо что-то твердое. Я в залитом светом зале, под тихое гудение, моментально исчезнувшее.

Зал с гладкими стенами, столами-пультами, креслами, а

в голове предыстория – свирепый грипп, каморка с бараклом, длинный коридор, обморок от потери сил или не знаю от чего. Пришел я в себя с ощущением кирпичей в желудке, но совершенно здоровый. Видно, кризис в болезни пришелся на последние часы (а может дни, кто считал). Какой-то нелогичный финал прошедших дней – я в странном, тихом помещении, все непонятно и спокойно. Пока. Ладно, будем разбираться.

Слегка голубоватый свет послушно следовал за мной. Вокруг меня громадный зал. Я бы, наверное, назвал его машинным, в лучших традициях давних времён. Внутреннее чувство подсказывало, что кроме столов-кресел, сегментированных стен здесь ничего, а тем более никого не найдешь. Как кошка, подобранная среди сараев и принесенная в дом, я начал осматриваться, обходить зал, трогать странные предметы. Несмотря на очевидную абсурдность ситуации, особенно на фоне всего, что этому предшествовало, инвентаризация проходила как-то буднично и спокойно. Зал, свет, льющийся прямо от стен, их поверхность из незнакомого материала, все это не вызывало трепета или восторга.

Убедившись в неагрессивности зала, я присел перед столом-пультом. Выемки, которые при достаточной фантазии можно назвать клавишами, прозрачные панели вокруг столов, совершенно непонятные символы, начертанные на столе. Все это требует сумасшествия или систематического исследования. Что делает нормальный исследователь, когда

сталкивается с черным ящиком (Ага! Кто-нибудь видел в своей жизни ЧЕРНЫЙ «черный ящик»)? Нажимает на наиболее привлекательную кнопку. Затаив дыхание, я надавил пальцем на странное возвышение посреди стола с симпатичным, как казалось, символом сверху. В результате получилось ошеломительное ничего. Смелее и смелее я тарабанил по кнопкам, с полным отчаянием наблюдая нулевую реакцию интерьера. Панели и экраны по-прежнему выглядели безжизненно. Ну, хорошо. Давайте мыслить логически. Никогда раньше ничего подобного я не видел. Ни изгибы столов, ни сегменты стен не были мне знакомы. Делаем логический вывод. Вернее вывод, который является наиболее простым и не крушит сознание – это все неземное. А раз неземное, значит прилетело. А раз прилетело – умеет летать! Где здесь штурвал? Наверное, все управление идет с этого центрального стола-пульта! Но я ведь уже нажимал на нем всякие кнопки! Ну, попробуем иначе. Допустим, я хочу улететь отсюда к чертовой матери (ох как мне хотелось этого!) Значит, мне необходимо... Стекло напротив стола вдруг подернулось мелкой сеткой, на которой постепенно стало проявляться не что иное, как карта. Карта была знакома – южная окраина Киева и зоны отдыха вокруг. Очень приятно. Я все это и так помню. Вот так– так! Оно меня слушается! С легким шипеньем засветилась следующая панель, теперь справа.

С легким шипением – это Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш-Ш, но тихонько. А шипнув – это «шшик». Но если нет слова шикнув, пусть будет с «легким шипом» Но у Набокова слово шип встречается именно в таком смысле...

На ней просто возникла картинка с автомобильным рулем. Руль был до боли знаком, что усиливалось символом сидроена посередине. Он был прикручен обычным болтом к штанге и легко вращался сам по себе. Действия эти вращения не производили никакого. Сразу на стекле загорелся знакомый знак «Осторожно, дети!». На нем перебежали дорогу, держась за руки, черт с рожками и хвостом и, наверное, его мама. Оно что, издевается надо мной? Конечно, о ментальном управлении прекрасно известно, правда, только из фантастической литературы. Но зачем все так исказить? Мне только безумного компьютера не хватало. Засветилась очередная панель. На ней обозначился компьютер. Очень красивый. Весь железный и в заклепках. Монитор был циклопических размеров, зеленая мышка с желтыми зубами, каждая кнопка клавиши завершалась молибденовым острием, способным проткнуть палец без всякого напряжения. Системный блок черного цвета, а в прорезь дисководов виднелись тлеющие внутри блока красные угли. Из висящих по бокам монитора колонок вырывался время от времени белый пар. Ясно... Адекватно реагирует система... Дура! На панели-экране появилась вырубленная из дерева скульптура «Женщина

с отбойным молотком». Она была очень похожа на ту, что стояла над аркой Пассажа. Правда, та, на экране, была обнажена, покрыта неприличными татуировками и совершенно уж непристойно держала отбойный молоток. И ещё была безобразно толста.

Гады! Я ведь подохну здесь! Я человек, я пить хочу, я жрать хочу!

С уже знакомым шипением один из сегментов стены выехал, образуя стол. На столе стояли тарелка с отбивной, тарелка с греческим салатом и ещё одна, диссонирующая, с черными креветками... Все это дополняла большая кружка с чем-то, несомненно, похожим на пиво. Шапка пены оседала в кружке, которую сверху завершало фигурное запотевшее доньшко. У вилки, лежащей на краю тарелки, был один зуб... Убедившись в съедобности отбивной, я провел некоторое время в попытках отбить лишнее доньшко у кружки. Когда силы и надежды иссякли, последний удар о край стола вдруг снес доньшко очень аккуратно, даже не оставив осколков. Жаль только, что нижнее.

Еда оказалась сытная, и после неоднократных попыток удалось заполучить вполне пригодную для питья воду. Лучше не упоминать, во что эта вода была налита.

До конца дня (я мог понять это только по часам) мне так и не удалось добиться никакой вразумительной реакции от системы или что оно было там на самом деле. Уже засыпая, я увидел, как на панели-экране появилась новогодняя гирлян-

да, и зал заполнила тихая рождественская музыка:

We wish you a Merry Christmas...

Сон был спокойным и целительным. Только свет будил меня время от времени. Проснулся я уже в почти нормальном состоянии тела и души. И относился к произошедшему спокойно, но с любопытством. Я сделал новый осмотр владений, непонятно, правда, чьих, но уже с учетом вчерашнего опыта. Трогая, оглаживая панели, я старался заставить их открыться. То ли руками, то ли головой. В итоге получасового ползания вдоль стен удалось сделать два наиважнейших открытия. Первое – в левом дальнем углу панель открыла доступ в следующий коридор. Второе, и, пожалуй, более важное – за одной из панелей оказался вход в сан-блок. Ванна, душ, нормальный человеческий унитаз. В обычном шкафчике на стене мыло, шампунь и прочее в прозрачных флаконах. Одна из панелей – фен, позволивший мне без полотенца обсохнуть после длительного блаженства в ванне, заполненной минеральной водой, и, судя по тонизирующим свойствам – радоновой. Что ж, неплохое начало. Или конец.

Закинув отмокать в ванну одежду, превратившуюся в бомжевую униформу, я пошел в зал. Сел в привычное кресло и запустил лэптоп – надо проверить почту, если, конечно, связь работает из этого комфортного подземелья. Лэптоп резво загрузился, но, естественно, никакой связи не было. Вдруг пискнул сигнал инфракрасного порта. Он не нашел

ничего более умного, как сообщить:

– «Обнаружено устройство связи с ИК портом, электро-бритва модели Харьков-ЗМ».

УмнО! Потом лэптоп требовал установочные диски винды, почему-то на уругвайском языке. Я не знал такого языка и с трудом убедил его принять английский... Потом требование GPS устройства в порт лэптопа, программы картографии, потом уже не помню чего. Последнее требование – вставьте дискету 8» в дисковод и загрузите Тетрис. Удалось победить, и в итоге весь бред кончился. Громадное стекло, которое я вначале принял за перегородку, вмиг потеряло прозрачность и на нем возникла надпись:

*** реадн**

Именно так. Я по наитию набрал WIN, а что ещё? Правда, набирал на лэптопе, но большой меня понял. И винда загрузилась. При этом в качестве фоновой картинке повесила портрет Муссолини в уборочную страду. Муссолини, голый по пояс и в соломенной шляпе, запихивал клочок пшеницы в молотилку. Картинку поменять не удалось.

Ну что же, жизнь налаживается! По крайней мере, все это выглядит, как подключение к главному компьютеру. Первое, что удалось найти – новую программу в лэптопе, непонятного назначения. В открывшемся окошке на белом поле мигал курсор. Вроде редактора что-то. А может, и нет. Будем ду-

мать, что это главный доступ к ресурсам. Итак, команда:

– «показать конфигурацию».

Ответ:

– «неконкретная команда».

Ура! Оно реагирует! Начало положено.

– «схема помещений»

– «не найдено помещений»

– «доступ»

– «определите точку доступа»

– «все»

Немедленно замигали десятки стеклянных панелей возле столов и на них появились изображения. Одно я узнал – это та самая будочка на днепровской круче. Ага, доступ, по-вашему, это вход сюда. Но тогда десятки картинок – это десятки входов, показанных с внешней стороны. Интересно, как и что их показывает? Вот видно, как на одном из экранов, ковыряя в носу, прошелся гаишник с полосатой палочкой. Да я знаю это место! Это склон Владимирской горки, мне Воха когда-то говорил, что там есть лаз в подземелье. Наверное, вход в галерею также надежно закрыт, как и на склонах. Ладно, дальше!

– «совместить точки доступа с картой местности»

– «команда неизвестна»

– «показать координаты точек входа»

На главный экран вывалились столбцы цифр. Спасибо.

- «представить графически»
- «указывать вертикали?»
- «представить высоту вариацией цвета»

Теперь на экран выскочила картинка – до боли знакомые очертания – центр города, река. И весь склон от Динамо до Горки покрыт галереями, сходящимися к центральной, почти круглой зоне. Она, кстати, намного больше пространства, мною изученного.

- «показать оружие» – это я прямо как в Doom-II.
- «объект отсутствует»

Ясно. Или мы пацифисты или я что-то не так называю...

- «показать ресурсы»
- «ресурсы:
энергетические – реактор в спящем режиме
пищевые – синтезаторы задействованы на 0.0001%
информационные – готовы»
- «показать информационные ресурсы подробно»
- «геостационарные спутники – 18 из 20 в

состоянии 100% готовности

стратосферные дроны:

250 – законсервированы

250 – зарядка

250 – дежурство в состоянии готовности

оперативные сферы: 7500 – в составе дронов

13700 – консервация

1000 – на дежурстве

дроны низкого полета —

250 – законсервированы

250 – зарядка

250 – дежурство в состоянии готовности

энтрудеры: 10^6 – дежурство на точках доступа

10^{11} – готовы

общее число энтрудеров – ограничено ресурсами систем генерации, на срок до 10^3 лет – неограничено»

Это впечатляет. Хотя совершенно непонятно.

Но если такая мощная система сбора информации, то!...

Да, действительно, доступ в Интернет был, и совсем не требовал сотовой связи. Тут же кинул мейл семье, которая, наверное, совсем извелась. Сообщил, что я в безопасности, и кратко рассказал о последних днях, вернее, неделях. Уже легче, да и мессенджер теперь все время он-лайн. Мою работу прервал писк индикатора батареи ноутбука! Черт, не подумал.

– «показать доступ к источнику электроэнергии»

– «мало исходных данных»

– «показать точку подключения к электроэнергии, напряжение 220 вольт, 50 герц»

Вывалился длиннющий список из символов и цифр.

– «представить графически»

На экранах появилась схема помещений с галереями и тысячами красных точек, очевидно точек подключения. Тоже не легче.

– «открыть доступ к ближайшей точке подключения»

На столе, прямо перед носом тихо откинулась панелька, пластмассово стукнув по столу и обнажив странный разъем.

Я долго рылся в сумке ноутбука, подбирая переходники, но в итоге все получилось, и индикатор заряда засветился. Ну, так очень хорошо! И с системой сегодня получается без вчерашнего бреда. Очевидно, ментальный доступ – не такая простая штука.

Ага, а голод не тетка! Но ведь можно попробовать.

- «показать пищевые ресурсы»
- «команда неопределена»
- «показать объем пищевых ресурсов, доступных в течение 24 часов»
- «245 тонн в эквиваленте чистых элементов»

Ясно, он все-таки туповат, этот комп.

- «приготовить обед»
- «мало исходных данных»

Зануда! Ну ладно, сейчас тебе выдам данные!

– «приготовить питание по следующему списку:

1. Луковый суп
 2. Белая лазанья
 3. Ананасовый компот»
- «требуется дополнительные данные:
1. Уточнить тип сыра для лукового супа.

2. Сорт грибов для лазаньи.

3. Ананасы должны быть нарезаны дольками или сохранить круговую структуру?

Источник запроса в соответствии с описаниями блюд, приведенных в...»

Далее шел список не менее сотни сайтов и поваренных книг.

Отвечив на поставленные вопросы, я получил вчерашнюю отъехавшую панель. На ней стояли тарелки неправильной формы с заказанной едой. По-моему, я вытянул счастливый лотерейный билет.

– «приготовить вино Il Verdicchio dei Castelli di Jesi, 1997 года»

– «синтез вин данной марки невозможен в силу неповторимости неконтролируемых параметров. Возможно вино белое или вино красное без индивидуализации»

– «белое вино 0,5 л» (а может, написать 0.5 дм³, сейчас так принято на Украине)

Выехало. Пить все-таки можно. Точно, «вот свезло, так свезло». Хотя, мы-то помним про бесплатный сыр и места его добывания. Ладно – пережили голод, переживем и изобилие.

После обеда я продолжил изыскания. Выяснял, что же за информационные ресурсы у этой штуки.

- «показать ресурсы энтрудера»
- «укажите метод визуализации»
- «представить графически»

На экран выплыло изображение странной конструкции – похоже на сложный фасеточный глаз стрекозы. Однако фасетки все были разные, кроме того торчали какие-то антенны.

- «текстовое описание наложить на графическое»

На картинке появились надписи – камеры обзора, электростатические двигатели, тактильные сенсоры, системы передачи данных на дроны и другие, совсем непонятные.

- «ресурс работы»
- «стартовый ресурс – 20 минут, далее – система подзарядки атмосферным электричеством»
- «способ передвижения»
- «контролируемое флотирование в воздушной струе»

Оно что – ещё и летает? Нет ни крыльев, ни газовых сопел.

- «линейные размеры»
- «0,2 мм»

Во как...

В итоге постепенно выяснились некоторые возможности этой базы. Нижними в иерархии сбора данных были датчики – энтрудеры. Каждый датчик выполнял команды, посту-

пающие от центрального компьютера, и мог свободно двигаться, приближаясь к объекту исследования. Вооруженные видеокамерами датчики могли, объединяясь в рой, синтезировать видео и аудио данные высочайшего качества. Эта информация накапливалась на дронах, которые обычно и перебрасывали энтродеры к месту наблюдения (сами они были не очень мобильны). Дроны, в свою очередь, сбрасывали данные или на геостационарные спутники или прямо на базу. Как выглядят дроны, я надеялся выяснить в ближайшее время. Оперативные сферы выполняли роль тактических разведчиков нижнего уровня. Но когда они включались и зачем были нужны еще предстояло разобраться.

В общем, все понятно. Ну куда проще. Я бог. Такой домашний, всамделишный бог. Совершенно просто. Проверим на практике.

- «найти»
- «задайте объект поиска»
- «Рублев Михаил Викторович. Определить местоположение. Графическое представление»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.